

Параязыковые единицы
в инициальных и ответных репликах диалога

Анна В. Занадворова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия, annazann@gmail.com

Григорий Е. Крейдлин
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gekr@iitp.ru

Елена Я. Шмелева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия, eshkind@mail.ru

Аннотация. Прежде чем строить словарь русских параязыковых единиц, необходимо изучить их поведение в монологе и диалоге. Основное внимание в работе уделяется поведению этих единиц в диалоге. Показано, что такие единицы могут встретиться как в инициальных, так и в ответных репликах диалога. Из трех основных категорий параязыковых единиц в работе рассматриваются две. Это одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означаться, или приобретать значение. Кроме того, рассматриваются отдельные лингвокультурологические эмоциональные комплексы и некоторые инструментальные звуки, которые сопровождают те или иные действия, часто вместе с языковыми обозначениями таких действий.

Параязыковые единицы в диалогах выполняют, по меньшей мере, две функции: они служат для сообщения информации, а также являются средством поддержания диалога, то есть маркером фатического общения. Описывается поведение параязыковых единиц в диалогах разных типов, рассматриваются семантика и функциональное назначение этих единиц в инициальных и ответных репликах. В работе ставятся некоторые важные теоретические и практические задачи, связанные с параязыковыми единицами русского языка. Утверждается, что без решения этих задач трудно построить хороший словарь русских параязыковых единиц.

Ключевые слова: параязыковые единицы, их виды и функции, семантика, многозначность, русский язык, диалог

Для цитирования: Занадворова А.В., Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 56–70. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-56-70

Paralanguage units in initial and response dialogue replicas

Anna V. Znadvorova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, annazann@gmail.com*

Grigory E. Kreidlin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gekr@iitp.ru*

Elena Ya. Shmeleva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, eshkind@mail.ru*

Abstract. In compiling a dictionary of paralinguistic units, it is important to study the behavior of those units in a dialogue. The main focus of the paper is exactly on that behavior. The article demonstrates that Russian paralinguistic units are used in initial and response dialogue replicas. Of the three main categories of paralinguistic units the work considers two. They are single sounds or sequences of sounds that do not belong to the natural language but which in a specific act of communication can acquire meaning. Besides, authors consider linguocultural emotional complexes and some instrumental sounds that accompany certain actions, often together with their linguistic designations.

It is shown that paralinguistic replicas in a dialogue have two or more functions: they serve to convey information and are also a means of maintaining dialog, i.e. a marker of phatic communication. The article describes the behavior of many paralinguistic units in dialogues of various types, the semantics of those units as well as their functions in initial and response replicas. The paper sets some important theoretical and practical tasks related to paralinguistic units of the Russian language. It is argued that without solving those issues, it is difficult to build a good dictionary of Russian paralanguage units.

Keywords: paralinguistic units, their types and functions, semantics, polysemy, Russian, dialogue

For citation: Zanaadvorova, A.V., Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya. (2024), "Paralanguage units in initial and response dialogue replicas", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 56–70, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-56-70

Введение

Предметом настоящей статьи являются параязыковые единицы русского языка. Русские параязыковые единицы отличаются от параязыковых единиц других языков, ср.: «Одни и те же звуки окружающего мира по-разному изображаются в разных языках. Так, вода, льющаяся из бутылки, по-русски звучит «буль-буль», англичанин слышит «глаг-глаг», китаец – «глоб-глоб», индонезиец – «крук-крук», а испанцам тут кажутся три слога: «тот-тот-то». Русские и польские ружья стреляют «пиф-паф!» либо «бум!», французские – «пан-пан!», а японские – «бак-вум!» («Наука и жизнь». 2008. № 4, см. также [Влахов, Флорин 1980]).

Сразу же отметим, что мы отделяем явления, относящиеся к параязыковым лексическим единицам, от связанных с ними явлений, касающихся близких, но не тождественных единиц обычного языка. Мы имеем в виду такие явления, как деление слова на слоги, различные коверкания слов, разные виды хезитаций и некоторые другие.

Из трех основных категорий параязыковых единиц мы остановимся на двух:

1) одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означиваться, или семиотизироваться, то есть приобретать значение. Примерами таких единиц являются последовательности *a-a-a!* (лексема русского параязыка, одно из значений которой 'торжество'), *o-o-o!* со значением 'удивления', а также различные сочетания параязыковой единицы с языковой, образующие своеобразные межкодовые фразеологизмы, ср. сочетание *A-a-a!* *Попался!* и др.

2) лингвокультурологические комплексы, такие как стон, смех, крик, плач, или комплексы так называемых инструментальных звуков (*вжжжж, вжжж, жжжжж*), то есть звуков, сопровождающих те или иные действия, возможно, вместе с их языковыми обозначениями. Отметим попутно, что звуки смеха, отображаемые на письме как *хи-хи-хи*, не такие же, как звуки смеха *ха-ха-ха* или *гы-гы-гы*. Точно так же крик человека, заблудившегося в лесу и зовущего «своего», не такой, как крик человека, находящегося в городе и зовущего

на помощь. Все перечисленные различия между параязыковыми элементами являются смысловыми.

Третью категорию параязыковых единиц – *фонации*¹ – мы здесь рассматривать не будем. Скажем только, что под фонациями понимаются изменения звучания традиционных звуков речи или отдельных звуков параязыка, возникающие вследствие изменений разных параметров речи или мелодики интоном, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов (см. [Крейдлин 2002]).

Некоторые параязыковые единицы были рассмотрены в работах И.А. Шаронова как разновидность междометий, см., в частности, его книгу «Междометия в речи и языке» [Шаронов 2008] и последующие за ней статьи [Шаронов 2009; Шаронов 2023] и др. Кроме того, ряд параязыковых единиц описан в «Толковом словаре русской разговорной речи»². Отдельные параязыковые единицы встречаются и в других толковых словарях русского языка, см., например, МАС, БТС³ и др. Отметим также, что отдельным классам параязыковых единиц посвящены специальные монографические исследования. Например, звукоподражательные единицы русского языка были проанализированы в монографии С.С. Шляховой «Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику» [Шляхова 2003] и в кандидатской диссертации О. Канерва «Русские звукоподражательные глагольные междометия в свете экспериментальных и корпусных данных» [Канерва 2023].

Обсуждаемый материал и ограничения материала

Материал нашей статьи составили диалоги, представляющие собой письменную фиксацию устной речи, а также диалоги, взятые из художественной литературы и из НКРЯ⁴. Во всех этих текстах параязыковые единицы встречаются либо в качестве инициальной, либо ответной реплики. Параязыковые реплики рассматриваются нами как самостоятельные, то есть употребленные вне контекста

¹ Термин *фонация*, по-видимому, был впервые введен в широкий обиход С.В. Кодзасовым, см., например [Кодзасов 2000].

² Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–4. Вып. 5. М.; СПб: ЯСК: Нестор-История, 2014–2022.

³ Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (гл. ред.). СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

⁴ В приводимых нами примерах используются разные графические записи, поскольку они принадлежат как устной, так и письменной речи.

вербальных единиц (например, мы не анализируем здесь фразы типа *В ответ я услышал «ха-ха-ха»*).

Общим свойством параязыковых единиц является то, что они относятся не к пропозициональным единицам, а принадлежат к так называемым *сигналятивам* (*signalatives*)⁵. Сигналятивы разбиваются на несколько классов, один из которых составляют лексические единицы. К ним, помимо междометий и звукоподражаний, принадлежат также парентетические наречия, такие как *к сожалению, конечно, как мне кажется*, наречия-коннекторы типа *фактически, например*, риторические союзы, такие как *хотя и поскольку*, и некоторые другие группы единиц. Все лексические сигналятивы не вводят в предложения или словосочетания логические пропозиции, а являются сигналами эмоций человека или сигналами элементов его мыслительной деятельности.

Важным синтаксическим свойством многих параязыковых единиц является их употребление в диалоге. Это не случайно, поскольку оно связано с принципом экономии усилий при речевом или ином знаковом взаимодействии людей. Действительно, параязыковая реплика в общем случае требует меньше усилий от говорящего, чем полнозначная языковая единица.

Параязыковые реплики в диалоге выполняют, по меньшей мере, две функции: они служат средством сообщения информации, см. пример (1), а также являются средством поддержания разговора, то есть маркером фатического общения, см. пример (2).

- (1) Тебя завтра утром **пиф-паф**, – доверительно сообщил Диамант (*В. Ерофеев*. Белый кастрированный кот с глазами красавицы).
- (2) А потом.../ это.../ я пришёл с армии.../ а-а-а/ значить/ в шийсят первом году / применили уже мехдойку // Сократили/ **м-м-м**/ где-то процентов шийсят..... сократили/ доярок //
– **М-м-м** //
– Ага // И я пришёл с армии в шийсят втором году/ не с кем было поздороваться //
(Беседа с семьей сельских пенсионеров. 2016).

Параязыковые единицы в диалогах разных типов

Нас интересует не только собственно поведение параязыковых единиц в инициальных или ответных репликах, но также те причины, по которым коммуниканты прибегают к такого рода репликам.

⁵ Термин заимствован нами из работы И.А. Мельчука и Л.Н. Иорданской [Iordanskaja, Mel'čuk 2011].

Среди основных причин выделим минимизацию усилий, повышенную эмоциональность, черты характера, неуверенность в своих словах и др.

Все рассматриваемые нами диалоги мы разделили на несколько больших классов.

Первый класс составили диалоги взрослых и детей. Эти диалоги, в свою очередь, по признаку 'прагматическая цель' делятся на обучающие и игровые.

Один из видов обучающих диалогов с параязыковыми единицами – это диалоги, в которых происходит обучение детей звукам и звуковым последовательностям. Среди них звуки, которые издают животные, звуки живой природы, инструментальные звуки и др. Отметим, что обычно это не имитация реальных звуков, а некоторые «конвенциональные» обозначения, принятые в русском языке.

Ср. тексты (3) – обучающий диалог и (4) – игровой диалог:

(3) – Как собачка говорит?

– **Гав-гав-гав**//

(4) – Мам / пойдем гулять!

– Слышишь дождик на улице **кап-кап**?//

Второй класс – это диалоги взрослых людей. Их мы тоже делим на ряд подклассов, к которым относятся повседневные диалоги (неспециальные) или специальные, в частности социально направленные диалоги, в которых партнеры имеют разный статус (разговор врача и пациента, преподавателя и студента, мастера и рабочего и т. п.).

Ранее основное внимание в лингвистике уделялось конвенционально значимым звукоподражаниям, которые встречаются как в монологической, так и диалогической речи. В отличие от одиночных междометий, которые обслуживают прежде всего психическую сферу человека (см. об этом [Шаронов 2009]), параязыковые последовательности, которые относятся к звукоподражаниям, обслуживают также физическую сферу и сферу взаимодействия человека с природой. Ментальная же сфера обслуживается как междометиями, так и параязыковыми единицами.

Диалогические реплики мы делим по их семантике и функциям в тексте:

1) диалогические реплики, состоящие из одиночных звуков или звуковых последовательностей, обладающие свойством семиотизации. Иными словами, мы имеем в виду реплики, приобретающие значение в контексте;

2) параязыковые реплики, традиционно относимые к лингвокультурологическим комплексам. Такие реплики могут в живом диалоге модифицироваться, а именно наряду со значениями смеха, стона и др., приобретать такие значения, как ‘насмешка’, ‘ирония’ и др. В примере (5) единица *ха-ха* выражает не ‘смех’ и не ‘насмешку’, а ‘возмущение’.

- (5) – Вот дядя про тебя напишет газету, – пригрозила беззлобно бабушка.
 – Он не только читать, он и статью может.
 – **Ха-ха!** – возмутилась внучка, но тут же исчезла.

Мы видим, что параязыковым единицам в не меньшей степени, чем языковым, свойственна многозначность. При этом выражаемые значения могут относиться к разным семантическим полям.

Важным синтаксическим свойством параязыковых единиц является то, что в реальных текстах они могут комментировать-ся языковыми единицами, причем как конвенциональными, так и авторскими:

- (6) <Адик часто по выходным приходил к нам обедать.>

Это мероприятие, естественно, не обходилось без супа (шей, борща), смачного Адикова **чавканья** и соответствующих филиппик отца <**чавкал** Адик, когда ел второе>. А на первом, при посылке в рот ложки с горячей жижей, мой дядя-подросток издавал известный каждому звук, не имеющий, однако, названия. Жена говорит, что это называется **сёрбать**, но мне это слово кажется каким-то диалектным, не вызывающим правильных ассоциаций. А Тимур Кибиров считает, что подходит слово **хлопать**, но у меня оно скорее ассоциируется с **плачем** – **хлопаньем носом**. Адик же задействовал другие части лица – закатив глаза и подвывая, смачно **засасывал** содержимое ложки своими большими, яркими, сложенными в трубочку губами, а осуществив **засос**, издавал **звук поглощения**, глотательной истомы, предвкушавшей утробную эйфорию, после чего звучно выдыхал на «-а» (*С. Файбисович. Дядя Адик / Uncle Dick*).

Текст (6) наглядно указывает еще на одну малоизученную лингвистическую проблему, а именно на соотношение параязыковых звуков с именами телесных объектов, участвующих в производстве этих звуков.

Приведем примеры диалогов с параязыковыми единицами разной природы и остановимся на некоторых значениях и употреблении

этих единиц. Разумеется, мы не можем здесь рассмотреть все значения и употребления до тех пор, пока не построен упомянутый выше словарь параязыковых единиц. Мы хотим показать разнообразие значений параязыковых единиц и их реализаций в текстах диалогов.

Начнем с обсуждения бытовых диалогических текстов.

Пример (7) иллюстрирует разговор на кухне, в котором параязыковые единицы *вжик-вжик* и *чик-чик-чик-чик* отображают, соответственно, звуки работающих блендера и ножа:

- (7) – А блендером можно делать такие всякие...
– **Вжик-вжик...**
– И салатик из капусты такой/ ну/ такой...
– **Чик-чик-чик-чик!** (НКРЯ, Домашние разговоры, 2006).

В диалоге (8) мы тоже видим похожие звуки *чик-чик* и *вжик-вжик*:

- (8) – *Давай-давай! Чик-чик/ вжик-вжик/ стрижи покороче!*
Вот так! (к/ф «Сибирский цирюльник», 1998).

Этот пример иллюстрирует разговор в парикмахерской клиента и мастера. В нем близкая к *чик-чик-чик-чик* последовательность *чик-чик* передает звук стригущих ножниц, а последовательность *вжик-вжик* – звук стригущей машинки. В обоих примерах (7) и (8) письменная параязыковая последовательность *вжик-вжик* имеет одно значение, которое можно сформулировать примерно так: ‘отображение звука работающего небольшого механического устройства’.

Следующие примеры относятся к бытовым диалогам, в которых параязыковые единицы обозначают психические состояния человека, в частности его эмоции. В будущем было бы интересно и полезно соотнести отображение разных психических состояний с конкретными параязыковыми последовательностями и, тем самым, соотнести параязыковые единицы, обслуживающие психическую сферу человека с его позитивными и негативными эмоциями.

Например, в (9) единица *ай-ай* обозначает ‘испуг’:

- (9) – **Ай-ай!** – *закричал я, цепляясь за стену. – Что такое? Кто меня поднимает?*
Ай-ай! *Не балуйтесь! Это ты, Юрка? Когда ты пришел?* (В. Губарев. Трое на острове).

В этом тексте оба вхождения единицы *ай-ай* представляют собой параязыковые восклицания, являющиеся инициальными

репликами продолжающегося диалога. Фактически они образуют параязыковые клише для отображения конкретной негативной эмоции. Таким же параязыковым клише страха является единица *ой-ей-ей*:

- (10) – Я – летучий кот! – представился Васька. – **Ой-ей-ей!** – записали летучие мыши.
– Как страшно! (А. Курков. Великое воздухоплавательное путешествие).

В диалогах (11) и (12) параязыковые единицы *буэ* и *фуу* передают эмоцию ‘отвращения’:

- (11) – Водку пить будете? «Святой источник»? – **Буэ**. И так водку не люблю/ а эту и подавно (НКРЯ. Разговоры студентов. 2007).
(12) – Да/ ну да. А это с рыбой? – С кальмарами. – **Фуу!** Другой нельзя было купить/ без рыбы? – Да они не пахнут рыбой! Как белок на вкус (НКРЯ. Домашний разговор. 2007).

Здесь *буэ* и *фуу* – это не просто отдельные параязыковые единицы, а ответные диалогические реплики. Отметим, что эти параязыковые единицы трудно отличимы от междометий, поскольку представляют собой одиночные последовательности.

Если в диалоге (12) *фуу* имеет значение отвращения, то пример (13) иллюстрирует употребление той же параязыковой единицы несколько иной семантики. Она выражает психологическое состояние облегчения, наступившее после волнения.

- (13) – **Фуу!** Ну/ кажется/ не опоздали. Наш долгожданный отдых начнётся ровно через две с половиной минуты. – Ты подумай/ Геннадий/ целый месяц вдвоём! (к/ф «Мы с вами где-то встречались», 1954).

Иными словами, примеры (12) и (13) иллюстрируют разнообразие значений параязыковой вокабулы *фуу*.

Реализация разных значений единицы *фуу*, то есть разных параязыковых лексем, сопровождается разными знаковыми поведенческими (т. е. невербальными) элементами. Для *фуу1* ‘возмущение’ – это прежде всего определенные мимические выражения (поднятая верхняя губа, искривленный рот, поднятые брови), для *фуу2* ‘облегчение’ – это глубокий и относительно продолжительный выдох через рот и несколько согнутое положение тела.

Примерами параязыковых лексем, входящих в одну многозначную параязыковую вокабулу *брр*, являются тексты (14) и (15). Отметим, что одна из этих лексем обозначает определенную эмоцию ('отвращение'), а другая – конкретное физическое состояние ('ощущение холода'), то есть соответствующие лексемы относятся к разным семантическим полям:

- (14) – Какой-то кошмар. **Брр**, я себе представила! – И Лора передернула плечами с выражением мгновенного страха и отвращения (Ю. Трифонов. Обмен).
- (15) – **Бр-р**/ как холодно! Что у вас окно-то открыто?! (Запись устной речи, 2015).

В отличие от разных лексем *фуу*, которые сопровождаются разными невербальными знаковыми проявлениями, единицы *брр1* и *брр2* могут сопровождаться одними и теми же проявлениями. И при ощущении холода, и от чувства отвращения люди обычно ежатся, вздрагивают, передергивают плечами.

Отдельной задачей, стоящей перед лингвистами и семиотиками, является системное описание морфологии и морфонологии параязыковых единиц и связанных с ними процессов. Среди таких процессов выделим полное и неполное удвоение, а то и утроение, гласных или согласных, так сказать, их «умножение» (*ай-ай*, *а-а-а*, *с-с-с*, *уфф*) иногда со сменой гласных или согласных по сравнению с исходной леммой (*ай-яй-яй* при исходной лемме *ай-ай-ай*, *вжик* и *вжиг*). Кроме того, возможно удвоение или утроение частей одной параязыковой единицы (*ну-ну*, *так-так-так*).

Каждый раз, постулируя некий морфологический процесс, происходящий с какими-то параязыковыми единицами, следует предварительно понять, не ошибаемся ли мы: вдруг мы имеем дело не с одной единицей, а с двумя разными (ср. конвенционально разные языковые единицы *едва* и *едва-едва*, где единица *едва-едва* не является морфологически производной от единицы *едва*).

В собранном нами диалогическом материале имеется большое количество примеров, которые содержат параязыковые призывы и возгласы, причем у этих реплик может быть разное назначение.

Так, в диалоге (16) параязыковые единицы выражают призывы к тишине, а в диалоге (17) – к молчанию. В этих диалогах хорошо видно смысловое различие между тишиной и молчанием, а именно тишина – это отсутствие вообще каких-либо звуков, а диалогическое молчание – это отсутствие речевых звуков:

- (16) – *Давай стаццим! – Давай! – Ту. – Тс-с! – Тсс! – А! – Тушш!*
(к/ф «Василиса Прекрасная». 1940).
- (17) – *Пустите меня! – Паша! – Не мешать! Цыц! Молчать! – Да что это такое! Ой!*
(к/ф «Начало», 1970).

Одной из важных функций параязыковых единиц, причем не только в диалогической, но и в монологической речи, является функция отображения жизни человеческого тела, см. об этом в статье [Крейдлин, Шмелева 2024 (в печати)]. Это прежде всего отображение параязыковыми единицами – не обязательно конвенциональными – свойственных человеку физиологических отправления. Мы имеем в виду письменную фиксацию звуков кашля (*кхе-кхе*), чихания (*апчи, а-а-апчи*), сморкания (*кхы-кхы*), икоты (*ик-ик*), рыгания (*зхе*), пуканья (*пук-пук*), зевоты (*а-а-а*) и т. п. Кроме того, сюда же можно отнести звуки, которые выражают позитивные эмоции человека, связанные с его телесной сферой, например параязыковые единицы, передающие удовольствие от еды (*м-м-м*); звуки потягивания, не имеющие устойчивого письменного отображения; звуки поцелуя (*цмок-цмок*), звуки удовольствия от увиденного, в частности разного рода хлопки, звуки трения рук друг о друга при предвкушении чего-то хорошего и под. К перечисленным параязыковым единицам примыкают звуки цокания языком от разных эмоций или звуки свиста, которые могут выражать не только удовольствие, но и неприязнь.

Приведем примеры диалогов, в состав которых входят параязыковые единицы с такой функцией:

- (18) – Эля, лучше выйти на улицу и показать.
– Да я простужена, Люд, – кхе, кхе (Р.С. Вереск. Хальмер-Ю).
- (19) Зима ведь скоро, – тётя Маня уже толкла в ступке чёрный перец, который прежде давила между двумя столовыми ложками.
– **Апчи!**
– Будь здорова! (В. Ланг. Калейдоскоп детства).
- (20) В носу у него вновь отчаянно защекотало, и он прихлопнул нос рукой, чтобы тот не взорвался. – **А-а-а-а-а-апчи!** (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»).

Некоторые из параязыковых единиц с описываемой функцией тоже многозначны. Например, единица *кхе* может обозначать ‘неназойливое привлечение внимания адресата’, как в (21), или ‘смущение’, как в (22):

- (21) Преподаватель входит в аудиторию и видит в углу целующуюся пару и издает горловой звук кхе, привлекая этим внимание целующихся.
- (22) Анатолий Иванович засмутился. – **Кхе!**.. – сказал он. – Я, пожалуй, в коридоре постою (С.И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной).

Встречающиеся в письменных диалогах параязыковые единицы нередко сопровождаются языковыми ремарками автора, эксплицирующими интонацию, с которой произносится данная единица, или ее значение. Такие слова можно назвать *поясняющими* разные аспекты диалога.

Например, наречие *задумчиво* в диалоге (23) определяет интонацию произносимой единицы *да-а-а*, то есть, чтобы правильно прочесть этот параязыковой фрагмент, надо сначала прочесть диалог до самого конца:

- (23) Надо оперировать, – сказал он. **Да-а-а**, – **задумчиво произнес** шеф (Ю. Крелин. Записи).

Системное описание подобных языковых ремарок параязыковых единиц, входящих в прямую речь, – это отдельная и очень интересная задача не только теории диалога, но и языковых особенностей прямой речи. К тому же решение такой задачи могло бы значительно улучшить словарное описание параязыковых единиц.

Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели диалоги с клишированными и неклишированными параязыковыми единицами. Выделены и описаны некоторые типы диалогов и указаны значения и употребления входящих в них инициальных и ответных параязыковых единиц. Попутно мы поставили важные теоретические и практические проблемы, без решения которых трудно представить себе хороший словарь русских параязыковых единиц.

Это проблема выделения и описания семантических классов русских параязыковых единиц и проблема соотнесения параязыковых единиц с именами телесных объектов, участвующих в их производстве. Кроме того, отдельные проблемы представляют собой описание функций параязыковых единиц в диалогических текстах и словообразование параязыковых единиц разных классов

(ср., например, образование единицы *ай-яй-яй* от *ай* или известных примеров образований глаголов *гавкать* от *гав*, *мяукать* от *мяу* или *капать* от *кап*).

Все перечисленные вопросы тесно связаны с еще одной проблемой, относящейся непосредственно к единицам языка, а именно описанием поясняющих текстовых единиц. Их анализ предполагает исследование морфологических и семантических процессов параязыковых и связанных с ними языковых единиц.

Еще одной важной задачей описания русского параязыка является установление связи между невербальными знаками разной природы, в частности параязыковых единиц с жестами, позами, мимикой. На наш взгляд, в словаре параязыковых единиц должна быть предусмотрена зона соотнесения входной вокабулы или отдельной лексемы с возможными сопутствующими им жестами. Подобная зона соотнесения входного жеста с сопутствующими ему невербальными телесными знаками имеется в «Словаре языка русских жестов»⁶.

Источники

- Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (гл. ред.). СПб: Норинт, 1998. 1534 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–4. Вып. 5. М.; СПб: ЯСК: Нестор-История, 2014–2022.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 с.

Литература

- Влахов, Флогин 1980 – *Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. Гл. 4. М.: Международные отношения, 1980. 349 с.
- Канерва 2023 – *Канерва О.* Русские глагольные звукоподражательные глагольные междометия в свете экспериментальных и корпусных данных: Канд. дис. (Хельсинки, 2023). 316 с.
- Кодзасов 2000 – *Кодзасов С.В.* Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке: Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: ЯСК, 2000. С. 502–526.

⁶ См.: *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 с.

- Крейдлин 2002 – Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002. 592 с.
- Крейдлин, Шмелева 2023 – Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Параязык в текстах // Русская речь. 2023. № 1. С. 45–65.
- Крейдлин, Шмелева 2024 – Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Функции параязыковых единиц в русских текстах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 3 (в печати).
- Шаронов 2008 – Шаронов И. А. Междометия в речи и языке. М.: РГГУ, 2008. 288 с.
- Шаронов 2009 – Шаронов И.А. Звукоподражательные слова и эмоциональные междометия // Филологические науки. 2009. № 3 (33). С. 48–52.
- Шаронов 2023 – Шаронов И.А. Звукоподражательные слова – между речью и языком // Фундаментальная лингвистика. 2023. № 1. С. 23–30.
- Шляхова 2003 – Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003. 244 с.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2011 – Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive Parenthical Verbs in Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory. Barcelona, 8–9 September, 2011 / Ed. by I. Boguslavsky and L. Wanner. University Pompeu-Fabra, 2011. P. 120–132.

References

- Iordanskaja, L. and Mel'čuk, I. (2011), "Illocutive Parenthical Verbs in Russian", Boguslavsky, I. and Wanner, L. (eds.), *Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory. Barcelona, 8–9 September, 2011*, Pompeu-Fabra University, Barcelona, Spain, pp. 120–132.
- Kanerva, O. (2023), *Russkie glagol'nye zvukopodrazhatel'nye glagol'nye mezhdometiya v svete eksperimental'nykh i korpusnykh dannykh* [Russian verbal onomatopoeic verbal interjections in the light of experimental and corpus data]. Ph.D. Thesis, Helsinki, Finland.
- Kodzasov, S.V. (2000), "Voice. Properties, functions and nominations" in *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Collection of articles. General supervision and ed. by N.D. Arutyunova. YASK, Moscow, Russia. pp. 502–526.
- Kreidlin, G.E. (2002), *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. NLO, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya., (2023), "Paralanguage in natural language texts", *Russian Speech = Russkaya Rech'*, no. 1, pp. 45–65.
- Kreidlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya. (2024), "Functions of paralinguistic units in Russian texts", *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*, no. 3 (in print).
- Sharonov, I.A. (2008), *Mezhdometiya v rechi i yazyke* [Interjections in speech and language], RGGU, Moscow, Russia.
- Sharonov, I.A. (2009), "Onomatopoeic words and emotional interjections", *Philological sciences*, no 3, pp. 48–52.

- Sharonov, I.A. (2023), "Onomatopoeic words – between speech and language", *Linguistica Fundamentalis*, no 1, pp. 23–30.
- Shlyakhova, S.S. (2003), *Ten' smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [A shadow of meaning in the sound. Introduction to Russian phonosemantics], PGPU, Perm', Russia.
- Vlakhov, S. and Florin, S. (1980), *Neperevodimoe v perevode. Gl. 4.* [The untranslatable in translation. Ch. 4], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна В. Занадворова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 121019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; annazann@gmail.com

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Елена Я. Шмелева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 121019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; eshkind@mail.ru

Information about the authors

Anna V. Zanaavorova, Cand. of Sci. (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: bld. 18/2, Volkhonka Steet, Moscow, Russia, 121019; annazann@gmail.com

Grigory E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Elena Ya. Shmeleva, Cand. of Sci (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 121019, eshkind@mail.ru